

Лу Тинтин
Пекин, Китай

Lu Tingting
Beijing, China

**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ПОЛИТИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО
КОНТЕКСТА РУССКОЯЗЫЧНОГО
И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ИНТЕРВЬЮ**

**A COMPARATIVE STUDY
OF POLITICAL AND CULTURAL DIFFERENCES
BETWEEN RUSSIA AND CHINA: AN ANALYSIS OF
DIALOGIC STRUCTURE OF POLITICAL
INTERVIEWS**

Аннотация. Рассматривается политическое интервью как особая жанровая разновидность политического дискурса. На материале корпуса, состоящего из 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью, автор раскрывает специфику диалогической структуры интервью в политическом и культурном контексте России и Китая.

Abstract. As a special kind of political discourse, political interviews are influenced by both mass media agencies and political institutions. Based on the analysis of a small corpus of political interviews within the framework of the "dialogic unity" theory, this paper aims to explore the dialogic structural characteristics of Russian and Chinese political interviews. The article argues that the dialogical character of Russian political interviews is more obvious than that of Chinese ones. The divergence in dialogic structure reflects the differences in political and cultural context, in mass media as well as in participants' communication purposes.

Ключевые слова: политический дискурс; политическое интервью; структура диалога; политический и культурный контекст России и Китая; конфуцианство; многопартийность.

Key words: political interviews; political discourse; dialogic structure; political and cultural context.

Сведения об авторе: Лу Тинтин, кандидат филологических наук.

About the author: Lu Tingting, candidate of philology. Place of employment: Beijing Foreign Studies University, Heilongjiang University.

Место работы: Пекинский университет международного обучения, Хэйлунцзянский университет.

Контактная информация: 100024, Китай, г. Пекин, район Чао Ян, Динфучжун Наньли № 1.
e-mail: lutingting0809@mail.ru.

Особенность современной политической жизни заключается в том, что политики всё реже общаются с населением напрямую, выступая в залах и на площадях, и всё чаще делают это с помощью средств массовой информации. Политическое интервью как важный способ современной политической коммуникации — это беседа журналиста и политика на политические темы, транслируемая средствами массовой информации. Материалом статьи послужили 15 русскоязычных и 15 китайскоязычных политических интервью, анализ которых позволяет сделать известные выводы о специфике интервью в политическом и культурном контексте России и Китая, влияющем на структурно-содержательные признаки данной жанровой разновидности.

По мнению А. К. Михальской, политическое интервью относится к политическому дискурсу и характеризуется как 1) высоко конвенциональный (социально «условный») речевой жанр с жестким распределением речевых ролей непосредственных участников; 2) агональный речевой жанр — «поединок», «диалог-спор»; 3) публичный речевой жанр, в котором и непосредственные участники речевой ситуации, и адресаты являются не отдельными индивидами, а «публичными персонами», гражданами и в котором предметом речи являются

исключительно общественно значимые явления; 4) вследствие своей публичности — высоко «формальный» речевой жанр, требующий от партнеров четкого и постоянного соблюдения речевой этики и этикета, речевого «исполнения» в границах элитарного типа соблюдения речевой культуры [Михальская 2009: 67—68]. Н. И. Лавринова, в свою очередь, отмечает, что «своеобразие политического интервью обусловлено сочетанием в его характеристике признаков, свойственных и политическому дискурсу, и дискурсу СМИ, а также особенностями, присущими ему как диалогическому тексту» [Лавринова 2009: 68].

Мы считаем, что жанрообразующие признаки политического интервью во многом обусловлены как институтом СМИ, так и политическими институтами. В связи с этим оно отличается от бытового диалога коммуникативной целью, ролями коммуникантов, объемом реплик, выбором темы разговора, правилами смены ролей говорящих и т. д. Оно отличается и от других видов интервью особенностями диалогического реплицирования, интенциональной составляющей речевых актов, репертуаром прагматических стратегий и тактик.

Анализ структуры политического интервью сделан нами с опорой на теорию диалогического единства. Понятие диалогического единства

как особой единицы общения впервые было выдвинуто в 1960 г. Н. Ю. Шведовой. Это «сочетание реплик, которые связаны друг с другом по определенным правилам синтаксической зависимости» [Шведова 1960: 280—281]. Такое определение ограничивалось структурно-синтаксическими особенностями, но в дальнейшем в ряде работ было убедительно доказано, что семантический аспект неотделим от структуры высказывания и что его необходимо учитывать в дефинициях. Вслед за Л. А. Брусенской мы считаем, что «диалогическое единство — смысловое и грамматическое единство, объединенное единой тематикой». Следовательно, политическое интервью представляет собой совокупность вопросно-ответных единств, объединенных микротемой, репрезентирующей политическую направленность текстов данного жанра. Вопросительные реплики журналистов инициируют диалог, развивают его и требуют, в свою очередь, ответной реплики (или достаточно развернутого высказывания) политиков. Сигналом завершения вопросно-ответного единства является появление новой микротемы, задаваемой новой вопросительной репликой журналистов.

Таким образом, структурной единицей политического интервью, как и других разновидностей этого жанра, является вопросно-ответное единство. По количеству реплик можно выделить **простое** и **сложное** вопросно-ответное единство как единицы, внутренне связанные не только структурно, но и семантически. Простое вопросно-ответное единство состоит из двух реплик, а сложное — из трех и большего количества.

Журналист — А. Дорохов, гость — Д. Зеленин.

1. Дорохов. *Дмитрий Вадимович, но если хотя бы чуть-чуть приоткрыть завесу над этим вежливым и очень уклончивым выражением „социально-экономическая ситуация в регионе“. Все-таки, может быть, какие-то подробности? О чем вы говорили с Владимиром Владимировичем?*

2. Зеленин. *На самом деле сейчас мы наблюдаем рост.*

3. Дорохов. *У себя в Тверской области?*

4. Зеленин. *Да.*

5. Дорохов. *Несмотря ни на что?*

6. Зеленин. *Несмотря ни на что. Общее количество вакансий уже в 2 раза превышает количество безработных. Такое было до кризиса: 2007 — начало 2008 года. В кризисный год, в 2009, количество вакансий было в 2 раза ниже, чем количество безработных. Сейчас ситуация поменялась, то есть пошел спрос. И это говорит о том, что, заявляясь на различные, на различные необходимые трудовые ресурсы, предприятия видят перспективы (радиостанция «Говорит Москва», 2010, 18 авг.).*

Данный фрагмент диалога состоит из 6 реплик. Третьей репликой журналист уточняет

семантическое наполнение местоимения «мы», которое в политическом дискурсе может репрезентировать широкий круг субъектов. Пятой репликой журналист прерывает политика, выражая сомнение в истинности сказанного им.

В политическом интервью сложные вопросно-ответные единства выполняют функцию выражения мнения, интерпретации предыдущей реплики политика, переспроса и т. п.

Анализ корпуса материала позволяет выделить общие черты русскоязычного и китайскоязычного политических интервью:

- Политическое интервью на обоих языках представляет собой совокупность вопросно-ответных единств. Такая диалогическая структура обусловлена традиционными требованиями к текстам данной жанровой разновидности в СМИ.

- По количеству реплик и способу их построения в обеих лингвокультурах выделяются два типа вопросно-ответных единств: простое и сложное.

- Существуют идентичные подтипы сложного вопросно-ответного единства: инициируемые подготовительной репликой журналиста, дополнительной репликой, оценочной репликой; репликой, интенцией которой является получение информации, а также репликами интерпретационного и обобщающего характера.

Можно выделить и различия между политическими интервью в двух языках.

- Для русскоязычного характерно большее разнообразие способов построения сложного вопросно-ответного единства. Поэтому, кроме отмеченных выше общих подтипов, можно выделить и специфические — реплики, инициирующие вопрос политика и его возражения, а также вставные реплики. Отдельные сложные вопросно-ответные единства имеют несколько способов построения.

- В русскоязычном политическом интервью часто встречаются сложные вопросно-ответные единства, состоящие из пяти и более реплик (такие случаи очень редки в китайскоязычных политических интервью).

- Русскоязычное и китайскоязычное политические интервью различаются и частотой употребления сложного вопросно-ответного единства. В китайскоязычном политическом интервью чаще используют простое вопросно-ответное единство (примерно 52 % от общего числа вопросно-ответных единств). В свою очередь, для русскоязычного политического интервью характерно более частое употребление сложного вопросно-ответного единства (около 70 % от общего числа вопросно-ответных единств). По сравнению с китайскоязычным русскоязычное политическое интервью отличается большей «диалогичностью».

Обратимся к анализу различий между русскоязычным и китайскоязычным политическими

ми интервью, обусловленных политическим и культурным контекстами ведения диалога. Специфика политического контекста проявляется в отдельных положениях основных законов обоих государств, ср.: «Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность» (Конституция Российской Федерации); «Китайская Народная Республика является социалистическим государством народно-демократической диктатуры под руководством рабочего класса, базирующимся на союзе рабочих и крестьян» (Конституция Китайской Народной республики); «Институт многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК является основным политическим строем. Будучи правящей, КПК является руководящим ядром дела социализма в Китае. При предпосылке признания руководящей роли КПК демократические партии имеют статус партий-соучастниц в политической жизни страны» (Предложения о поддержке и улучшении института многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК. Документ № 14). Как отметил китайский ученый Ху Чжэнжун, «во всяких социальных строях СМИ держит в руках определенная общественная организация, как правило, правящие классы. Поэтому можно утверждать, что систему СМИ определяет социальный строй» [Ху Чжэнжун 1997: 27].

Россия и Китай сильно различаются по политическому строю, чем обусловлены различия в этих странах и систем средств массовой информации, и их функций.

Различия в политических контекстах приводят к нетождественному речевому поведению российских и китайских политиков и журналистов в процессе интервью. Основными коммуникативными задачами китайских политиков являются пропаганда и интерпретация партийной и правительственной политики, установок, мер и т. д. Журналист, в свою очередь, способствует корректной реализации этих задач. Таким образом, общие коммуникативные задачи определяют и общую интенцию участников диалога. Подобная гармоничная коммуникация способствует реализации интегративной функции китайского политического дискурса.

В условиях многопартийного строя российские политики, наоборот, дифференцируют свои позиции с целью партийной борьбы и сохранения и достижения политической власти. Журналист же, как носитель точки зрения определенной группы граждан РФ, активно зада-

ет вопросы и выражает свое мнение по тому или иному поводу. Отсюда многообразие функций российского политического дискурса (функции интеграции и дифференциации, функции агональности и побуждения). В результате гармоничность коммуникации в рамках российского политического интервью проявляется, на наш взгляд, в значительно меньшей степени, чем в рамках китайского.

Давая политическое интервью в разных политических контекстах, российские и китайские политики реализуют разные коммуникативные задачи, по-разному понимают функции и перлокутивный эффект политической коммуникации, а журналисты России и Китая проявляют разную степень коммуникативной активности и стремления к кооперации с интервьюируемым. Результатом сказанного является, на наш взгляд, большая степень диалогичности и агональности русскоязычного политического интервью.

Кроме политического контекста, на диалогическое членение политического интервью оказывает влияние и культурный контекст обеих стран. Если мы сравним книгу «Лунь юй» (наиболее распространенный перевод — «Беседы и суждения») Конфуция с беседами Сократа, то увидим принципиальную разницу восточной и западной коммуникативных культур.

Учения Конфуция и Сократа передаются в основном в устном виде. 500 фрагментов, которые включает «Лунь юй», можно подразделить на три типа. Для первого типа характерна монологичность, например:

Учитель сказал:

— Учиться и время от времени повторять изученное, разве это не приятно? Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно? Человек остается в неизвестности и не испытывает обиды, разве это не благородный муж?

Фрагмент второго типа состоит из двух реплик — вопроса и ответа:

Цзы-гун спросил о благородном муже. Учитель ответил:

— Он прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом.

Фрагмент третьего типа состоит из трех и более реплик:

Цзы-ся спросил:

— Что значат слова: „Чарующая улыбка придает красоте, блеск глаз создает привлекательность, простой фон с помощью раскрашивания обретает разноцветные узоры“?

Учитель ответил:

— Рисунок появляется на простом фоне.

Цзы-ся сказал:

— [Это значит, что] ритуалом пренебрегли?

Учитель сказал:

— Шан, вы уловили мою мысль. С вами можно беседовать о „Ши цзин“.

Мы видим, что, хотя второй тип высказывания формально имеет форму диалога, он все же ближе к монологу, поскольку первая реплика является только введением в тему беседы. Соответственно мы относим и первый, и второй типы текстов к монологическим. По нашему подсчету, 347 текстовых фрагментов, приведенных в «Лунь Юй» (87 %), относится к первому типу, а 87 — ко второму.

Продemonстрируем теперь, что учению Конфуция внутренняя монологичность свойственна в гораздо большей степени, чем текстам греческого философа Сократа. Приведем отрывок из его бесед:

Сократа спросил Евфидема:

— «Скажи, Евфидем, знаешь ли ты, что такое справедливость?»

— «Конечно, знаю, не хуже всякого другого».

— «А я вот человек, к политике непривычный, и мне почему-то трудно в этом разбираться. Скажи: лгать, обманывать, воровать, хватать людей и продавать в рабство — это справедливо?»

— «Конечно, несправедливо!»

— «Ну, а если полководец, отразив нападение неприятелей, захватит пленных и продаст их в рабство, это тоже будет несправедливо?»

— «Нет, пожалуй что, справедливо».

— «А если он будет грабить и разорять их землю?»

— «Тоже справедливо».

— «А если будет обманывать их военными хитростями?»

— «Тоже справедливо. Да, пожалуй, я сказал тебе неточно: и ложь, и обман, и воровство — это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям несправедливо».

— «Прекрасно! Теперь и я, кажется, начинаю понимать. Но скажи мне вот что, Евфидем: если полководец увидит, что воины его приуныли, и солжет им, будто к ним подходят союзники, и этим ободрит их, — такая ложь будет несправедливой?»

— «Нет, пожалуй что, справедливой».

— «А если сыну нужно лекарство, но он не хочет принимать его, а отец обманом подложит его в пищу, и сын выздоровеет, — такой обман будет несправедливым?»

— «Нет, тоже справедливым».

— «А если кто, видя друга в отчаянии и боясь, как бы он не наложил на себя руки, украдет или отнимет у него меч и кинжал, — что сказать о таком воровстве?»

— «И это справедливо. Да, Сократ, получается, что я опять сказал тебе неточно; надо было сказать: и ложь, и обман, и воровство — это по отношению к врагам справедливо, а по отношению к друзьям справедливо, когда делается им на благо, и несправедливо, когда делается им во зло».

В этом фрагменте беседы вопросы Сократа активизируют мыслительную деятельность собеседника и подталкивают его к самостоятельным выводам. Такой тип беседы является, как мы считаем, полноценным диалогом.

Лингвистическое различие между репликами диалогов указанных собеседников подтверждается и в трудах философов. Как отметил китайский ученый Цзянь Инин, «различие мыслительного способа между Конфуцием и Сократом заключается в том, что Конфуций обращает больше внимания на поиск способов, малое внимание уделяет общей сущности предметов, поэтому в его мыслительном процессе мало обсуждения и допроса, а только нравоучение в конкретной ситуации; а непрерывно расспрашивая и размышляя, Сократ стремится к поиску сущности предметов, к метафизическому пониманию» [Цзянь Инин 2011: 14].

В исторических процессах, связанных с формированием менталитета китайского народа, конфуцианство играло важнейшую, незаменимую роль. Как видим, оно повлияло и на специфику текстообразования, поэтому можно утверждать, что внутренняя монологичность политического интервью как жанра китайского политического дискурса тесно связана с китайским конфуцианством.

К какой культуре принадлежит Россия, расположенная в Евразии: к Востоку или к Западу? Этот вопрос горячо обсуждается с давних времен. Академик Д. С. Лихачёв отстаивает гуманистическую концепцию единого культурного пространства, обосновывает европейскую ориентацию русской культуры, вобравшей в себя христианские ценности и три основные принципа европейской культуры — ее личностный характер, универсализм и свободу. На наш взгляд, находясь между восточной и западной культурами и впитывая их, Россия представляет собой специфический, открытый тип культуры. Полемичность, свойственная западной культуре, оказала и оказывает сильное влияние на русских интеллигентов, что нашло подтверждение в таких исторических событиях, как деятельность Северного и Южного обществ декабристов, аристократических салонов Петербурга в XIX в., кружка Петрашевского, литературно-художественного кружка «Среда», споры западников и славянофилов. Диалогичность русскоязычного политического интервью является результатом существования полемической культуры, формировавшейся более двух столетий.

В процессе исследования политического интервью нельзя не учитывать тот факт, что на его участников влияют условия, в которых оно проходит. Поэтому следует еще раз повторить, что сходство в текстообразовании этой жанровой разновидности обусловлено общими чертами феноменов политического дискурса и дискурса СМИ, а различия — нетождествен-

ными политическими и культурными контекстами двух стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брусенская Л. А., Гаврилова Г. Ф., Малычева Н. В. Словарь лингвистических терминов. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. URL: <http://veselchak.ru/article/17/06/t-0308-12635.html>.
2. Лавринова Н. И. Textoобразующие характеристики политического интервью // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5.
3. Михальская А. К. Политическое интервью как речевой жанр // Риторическая культура в современном обществе : тез. 4 Междунар. конф. по риторике. — М. : Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2009.
4. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи // Вопросы языкознания. 1956. № 2.

5. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М., 1960.

6. 胡正荣. 传播学总论 [M]. 北京: 北京广播学院出版社, 1997.

7. 江颖颖. 孔子与苏格拉底的思维方式对中西方哲学传统的影响[J]. 哈尔滨市委党校学报, 2011, (3): 11-14.

8. 江洲. 一部俄罗斯文化史百科全书——《俄罗斯思考》评价[J]. 国外理论动态, 2002, (8): 28—29.

9. 利哈乔夫. 解读俄罗斯 [M]. 北京: 北京大学出版社, 2003.

10. 李泽厚. 论语今读 [M]. 北京: 生活·读书·新知三联书店, 2008.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Б. Руженцева.